

УДК 908

АДЫГИ В АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ:
МЕХАНИЗМЫ ИНТЕГРАЦИИ

Татьяна Павловна Хлынина,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института социально-экономических и гуманитарных
Исследований Южного научного центра РАН
Россия, г. Ростов-на-Дону

Статья посвящена проблемам интеграции адыгов в советское административно-территориальное пространство. В ней рассматривается процесс национально-государственного строительства и его последствий для различных групп адыгов – кабардинцев, адыгейцев, черкесов и шапсугов.

Ключевые слова: адыги, национальный вопрос, национально-государственное строительство, автономии, Горская АССР, Северо-Кавказский край.

В наследие от имперского прошлого советской России досталась не только огромная территория, но и этнически неоднородное население. Его положение в составе единого государства до революции получило название *инородческого вопроса* и сводилось к правовому регулированию взаимоотношений центра и окраин. Победа большевиков и распад Российской империи вновь актуализировали проблему поиска взаимосвязей между отдельными частями теперь уже советского государства. Их основу составило решение *национального вопроса, суть которого сводилась к предоставлению нациям права на самоопределение*. Формы его реализации определялись правящей партией и зависели от ряда конкретных обстоятельств – текущего политического момента, численности и компактности проживания народов, уровня их хозяйственного и культурного развития.

К началу развернувшегося на Северном Кавказе национально-государственного строительства черкесы (адыги) компактно проживали на территориях Кубано-Черноморской области (Туапсинского округа, Екатеринодарского, Майкопского, Баталпашинского отделов) и Нальчикского округа. Их общая численность на начало XX века, по современным оценкам, составляла около 200 тыс. чел. Необходимость предоставления им национальной автономии обуславливалась как соображениями общего порядка, так и политически нестабильной обстановкой, сложившейся в регионе и настоятельно требовавшей

скорейшего разрешения. Провозглашение «белой» Горской республики и развернувшееся повстанческое движение, ставшее для ряда его участников продолжением Кавказской войны, не могли не сказаться на характере и формах административно-территориального обустройства адыгских народов. Для каждого из них оно имело свои особенности и вылилось в создание автономных областей и национального района.

В настоящее время, в связи с активно обсуждаемым лидерами черкесских общественных организаций проектом создания единой Адыгской республики, все чаще звучит идея о сознательном разъединении адыгов советской властью. Полученные ими автономии расцениваются в качестве умелого политического маневра, отвлекшего адыгов от борьбы за национальную консолидацию. При этом полностью игнорируются территориальная разобщенность народов и социально-экономические трудности, сопряженные с выделением национальных областей (районов), в пределах которых неизбежно оказывались представители иных этнических групп.

Первым опытом национального самоопределения для кабардинцев, проживавших на территории Нальчикского округа, стало вхождение в состав Горской АССР на правах Кабардинского национального округа. Создававшаяся как коллективная автономия северокавказских народов, Горская республика, провозглашенная 17 ноября 1920 г., призвана была выработать и коллективные механизмы решения их хозяйственных и культурных проблем. Наиболее сложным и фактически взорвавшим республику изнутри оказался земельный вопрос, потребовавший перекраивания границ национальных округов. Найденный способ его разрешения сводился к перераспределению земельного фонда между признанными в этом отношении благополучными кабардинцами и остальными народами Горской автономии. Расценив начавшийся земельный передел, как «национальную катастрофу», (с 1918 по 1921 гг. Кабарда лишилась около 30 % земель [1]), и, воспользовавшись правом обжалования республиканских решений, руководство округа возбудило вопрос о его выходе из состава ГАСССР. Основная роль в этом процессе принадлежала председателю Кабардинского окружного исполкома Б.Э. Калмыкову. Именно ему предстояло найти приемлемую, как для общероссийского, так и для краевого руководства причину, обусловившую необходимость выхода Кабарды из состава Горской АССР. Такой причиной на тот момент была признана изначальная искусственность и непрочность Горской автономии как государственного образования, а также экономическое и культурное тяготение кабардинцев «в сторону областей РСФСР» [2].

1 сентября 1921 г. Постановлением ВЦИК РСФСР была образована Кабардинская автономная область с непосредственным подчинением

общероссийским органам власти. Она расценивалась формой волеизъявления кабардинского народа и фактически явилась компромиссом между руководством автономии и центром, позволявшим на тот период времени решать сторонам вполне определенные задачи. Выделение кабардинцев из состава Горской республики повлекло за собой и необходимость решения вопроса о самостоятельности Балкарского округа. Однако, невозможность урегулирования границ новой автономии, прочная территориальная и экономическая связь с Кабардой, в конечном итоге, подвели центр к идее создания объединенной Кабардино-Балкарской автономной области. 16 января 1922 г. Постановлением ВЦИК РСФСР было принято решение об образовании национальной автономии кабардинского и балкарского народов. В целях обеспечения обоюдных национальных интересов сохранялись и действовали областные исполкомы, обладавшие правом в случае их нарушения апелляции к федеральной власти.

Судьба черкесского населения Баталпашинского отдела оказалась тесно связанной с дальнейшим существованием еще одного участника коллективной автономии горцев – Карачаевского округа. Его выход из состава Горской АССР и изначальное экономическое тяготение к Кубани стали основанием для создания отдельной автономии карачаевского народа – «наподобие Кабарды на Тереке». Однако, процесс ее образования, мыслившейся изначалью в качестве многонациональной области, столкнулся с рядом трудностей. Прежде всего, с невозможностью выделения Карачая без присоединения к нему ряда дополнительных территорий, что создавало немалые проблемы в отношениях с другими народами. Положение осложнялось и самим многонациональным составом населения будущей автономии, которое требовало определенных гарантий своих прав. Многочисленные архивные документы того времени свидетельствуют о том, что стремление к обретению собственных автономий находило отражение на съездах всех народов, проживавших на ее территории – карачаевского, черкесского, русского, абазинского, караногайского.

Причины образования Карачаево-Черкесской автономной области, как правило, сводятся к решению заседания коллегии Наркомнаца от 9 января 1922 г. с участием представителей Карачая и Черкесии. В соответствии с ним, из состава Горской АССР выделялся Карачаевский округ, а из Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области – Черкесия и 6 казачьих станиц, которые и составили объединенную автономную область. Насколько непродуманным оказалось данное решение, показало последующее развитие событий. 26 апреля 1926 г. Постановлением ВЦИК РСФСР из Карачаево-Черкесской автономной области были выделены Баталпашинский и Зеленчукский округа в самостоятельный Баталпашиинский район, вошедший в со-

став Армавирского округа Северо-Кавказского края. Этим же постановлением упраздняялась Карачаево-Черкесская автономная область. На ее месте образовывались Карачаевская автономная область и Черкесский национальный округ с непосредственным подчинением Северо-Кавказскому краевому исполнительному комитету. В 1928 г. округ был преобразован в Черкесскую автономную область. Пытаясь объяснить логику столь быстрое преобразование, историки, обычно, связывают их с включением области в состав Северо-Кавказского края [3]. Едва ли подобную точку зрения следует признать исчерпывающей. Представляется, что одной из причин непрочности объединенной автономии оказалась так и непреодоленная в процессе совместного проживания застарелая неприязнь между карачаевцами и черкесами, находившая свое отражение в разнообразных конфликтах и обоюдных жалобах в вышестоящие инстанции [4].

Несколько иначе сложилась судьба адыгов, проживавших в Майкопском и Екатеринодарском отделах Кубано-Черноморской области. В отличие от остальных северокавказских народов, получивших свой первый опыт национального самоопределения в составе Горской АССР, кубанские адыги в нее не входили. Тем не менее, как и в остальных национальных районах края, в Кубано-Черноморье создавались специальные органы власти, призванные непосредственно руководить адыгским населением области. Таковыми в разное время являлись Мусульманская и Горская секции, Горский окружной ревком и исполком, которые действовали при соответствующих органах областной власти. Именно они стали основными формами и этапами национального самоопределения кубанских адыгов, завершением которого стало предоставление им национальной автономии. В качестве причин столь постепенного обретения адыгами национальной самостоятельности называются сложности, как объективного, так и субъективного порядка: «отсутствие национального отряда пролетариата, несовершенное административное управление, осязаемое засилье клерикальных элементов, полное отсутствие партийных организаций, экономическая разруха и разгул бандитизма» [5].

Противостояние областных и горских органов управления, сопровождавшее собою весь период поиска наиболее оптимальных форм национального самоуправления адыгов, привело стороны к взаимному осознанию необходимости выделения горского населения в самостоятельную административно-территориальную единицу – автономную область. Необходимость ее предоставления связывалась и с все чаще звучавшей на горских съездах идеей территориальной консолидации адыгских народов в независимую Северо-Кавказскую республику, а также наличием национально-территориальных образований у остальных адыгских народов.

27 июля 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области. Черкесская (Адыгейская) автономная область вошла в состав Кубано-Черноморской области на правах самостоятельной административно-хозяйственной единицы. Центром ее временно был определен г. Краснодар. Несмотря на давние экономические связи и культурную близость населенных пунктов, составивших территорию областей, отношения между ними складывались не всегда просто. Сказывались неопределенность границы, основанной на принципах экономического и административного тяготения населенных пунктов к той или иной области, отсутствие четкого законодательно оформленного положения об автономной области, наличие спорных территорий, принадлежность которых во время образования автономной области определялась зачастую произвольно. Многие из этих факторов еще долгое время неблагоприятно сказывались на взаимоотношениях Кубани и Адыгеи.

Одним из таких факторов стал вопрос о включении в состав автономии ряда населенных пунктов, оставшихся за ее пределами и получивший в Федеральном комитете по землеустройству РСФСР название «адыгейского дела». Его суть заключалась в «желании адыгейской стороны присоединить к автономной области Карамурзинский, Урупский и Каноковский аулы Армавирского отдела, Кургановский и Суворово-Черкесский аулы Таманского отдела, а также 11 аулов Туапсинского округа с городом Туапсе» [6]. Комитет полагал дело «старым и темным» и не видел, равно как и руководство Кубано-Черноморской области, существенных причин для пересмотра сложившегося положения дел.

В свою очередь, представители автономной области в качестве таковой усматривали игнорирование национальных интересов «черкесов, не получивших возможности выражения своих политических и культурных чаяний». 5 февраля 1923 г. оргбюро РКП (б) Адыгейской (Черкесской) автономной области на своем заседании обсудило вопросы предоставления автономии административного центра и присоединения к ней армавирских и баталпашинских аулов. «Принимая во внимание историческое прошлое шапсугского племени, как действительно революционно-демократического», оргбюро признало необходимым перенести центр Адыгеи в город Туапсе, а также полностью согласиться с присоединением к ней армавирских и баталпашинских черкесов. В силу «раздробленности черкесского племени» на несколько автономных единиц считалось целесообразным установить кантональную форму управления для объединенных племен, которые составили бы единую Адыго-Черкесскую Советскую Социалистическую Республику. Предусматривалось создание Шапсугского,

Псекупского, Ширванского, Армавирского и Баталпашинского кантонов [7]. Однако, идея территориальной консолидации адыгов не нашла поддержки ни у руководства Кубано-Черноморской области, ни у федерального центра.

Причинами тому оказались следующие обстоятельства. Во-первых, ни Туапсинско-Сочинский округ, место основного проживания приморских шапсугов, ни Армавирский и Баталпашинский отделы не имели общей границы с Адыгейской автономной областью. Во-вторых, аулы Армавирского отдела исторически тяготели к Кубани, а Баталпашинского – имели самостоятельное административно-территориальное оформление в рамках Карачаево-Черкесской автономной области. Находившиеся в ведении и под юрисдикцией Горского исполнительного комитета аулы Туапсинского округа с момента провозглашения автономии перешли в непосредственное подчинение Кубано-Черноморского исполкома. В-третьих, подобная территориальная консолидация и выход к морю, с одной стороны, экономически и политически «чрезмерно» усилили бы положение автономии, которая могла бы выйти из-под контроля советской власти, с другой, – являлась шагом на пути реализации идеи Северо-Кавказской республики в границах 1800 г. и способствовала бы включению адыгов в орбиту турецкого влияния.

Однако, еще до этого 4 сентября 1922 г. 3 съезд приморских шапсугов объявил о создании из 12 черкесских аулов Туапсинского района самостоятельной Шапсугской Советской Социалистической Республики с центром в Туапсе. С присоединением Сочинского округа западная граница самопровозглашенной республики должна была пройти по реке Ашад. Исполком Адыгейской автономной области посчитал нецелесообразным образование данной республики в качестве самостоятельной единицы, так как подобный акт делил черкесскую нацию на несколько обособленных народов, что могло «пагубно сказаться на культурном и экономическом развитии черкесского народа в целом» [8].

23 мая 1923 г. Президиум ВЦИК РСФСР отклонил ходатайство шапсугов [9]. Но уже 3 августа 1924 г. Бюро Юго-восточного краевого комитета РКП (б), рассмотрев их положение, приняло решение о выделении территории шапсугов в особый Шапсугский район с подчинением Черноморскому исполкому [10]. 21 августа краевой партийный комитет издал повторную директиву по партийной и советской линиям о выполнении принятого 3 августа решения [11]. Завершить создание района планировалось не позже октября 1924 г. [12]. 23 сентября на распорядительном заседании Малого Президиума крайисполкома Юго-восточной области из 7 аулов Туапсинского района Черноморского округа был создан Шапсугский район с непосред-

венным подчинением Черноморскому исполкому [13]. Район просуществовал до 27 мая 1945 г. и после неоднократных территориальных преобразований был переименован в Лазаревский район.

Дальнейшее развитие национальных автономий адыгов оказалась тесно связанным с решением хозяйственно-политических и культурных проблем советского государства. В 1924–1934 гг. автономии входили в состав Северо-Кавказского края, в управленческой вертикали которого был создан Национальный совет по делам республик и областей. Несмотря на достаточно оперативное реагирование и разрешение возникавших вопросов, совет воспринимался автономиями в качестве промежуточного звена, лишавшего их непосредственной связи с центром. В 1934 г. после разукрупнения края Адыгейская автономная область вошла в состав Азово-Черноморского (с 1937 г. – Краснодарского), а Черкесская автономная область – Северо-Кавказского (с 1937 г. – Орджоникидзевского, переименованного в 1943 г. в Ставропольский) краев. В начале 1990-х гг. данный факт нахождения в составе краевых объединений был использован руководителями автономных областей, как неопровержимый аргумент в пользу создания республик. Именно в нем виделись неэффективность экономического развития и отсутствие у автономий административной самостоятельности, достижение которых связывалось с обретением полноправной государственности.

Одним из итогов административно-хозяйственного переустройства края стало усиление экономического потенциала, расширение территории, а также повышение политико-правового статуса ряда национальных образований. В 1936 г. Кабардино-Балкарская автономная область была преобразована в автономную республику, которая рассматривалась как переход к более высокой форме национальной государственности. В 1943–1944 гг., с упразднением национальных автономий карачаевского и балкарского народов, образовывались Кабардинская АССР и Черкесская автономная область. В 1957 г. после реабилитации депортированных народов были восстановлены Кабардино-Балкарская АССР и Карачаево-Черкесская автономная область.

В ходе национально-государственного строительства, развернувшегося в регионе, адыги вошли в состав трех автономных областей, одна из которых впоследствии была преобразована в автономную республику, и одного национального района. Их административное разделение основывалось, прежде всего, на отсутствие общей границы и компактности проживания на территориях будущих автономий. Конкретные формы национальных образований, их включение в состав более крупных объединений, подвижность границ определялись, как необходимостью решения конкретных задач советского строительства, так и представлениями правящей партии о сути националь-

ного вопроса и практиках его разрешения. Найденные на тот период времени механизмы «встраивания» различных групп адыгов в социально-экономическое и административно-территориальное пространство советской России отвечали не только потребностям государства, но и интересам самих народов.

Вместе с тем, «матрешечный» принцип соответствия формы предоставляемой автономии (район – округ – область – республика) численности и политической благонадежности этносов стал катализатором роста недовольства адыгов своим административным положением. Ситуация обострялась и наличием «двухтитულных» автономий, где, как в случае с Карачаево-Черкесией, черкесы, количественно уступая карачаевцам, постоянно ощущало «превентивную» угрозу своим национальным интересам. Национальные по форме, но многонациональные по составу населения, адыгские автономии стали вызовом национализма внутренних меньшинств, нередко ставившего их на грань распада.

Советский опыт решения «черкесского вопроса», сводившегося к реализации права адыгов на административно-территориальное самоопределение в пределах советского государства, показал, что предоставленные им различные формы национальных автономий не являлись следствием их героического и беспокойного прошлого, а зависели от конкретных обстоятельств и текущего «политического момента». Злого умысла власти в их административном разъединении, по крайней мере, явно не прочитывалось. Как отмечается в литературе, «разграничение областей адыгов сложилось исторически; это проявилось не только в особенностях культуры, но и в этнополитической истории различных территориальных групп адыгского населения, в частности, в характере взаимодействия с Россией» [14]. Идеи этнической консолидации адыгского массива звучали лишь в 1920-е гг. в требованиях руководства Адыгейской автономной области включить в ее состав причерноморских шапсугов. Кабардинцы и черкесы, оказавшиеся в «двухтитулных» образованиях, сосредоточились на отстаивании собственных интересов, защита и представительство которых (по их мнению) требовали отдельных автономий.

Примечания:

1. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С.50.

2. Улигов У.И. Формирование национальной государственности у народов Кабарды и Балкарии: трудности становления, развитие // Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995. С.105–106.

3. Улигов У.И. Указ. соч. С.105–106.

4. Хлынина Т.П. Советы и традиционное общество Юго-Востока Европейской России // 1917 год в судьбах народов и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С.278–279.
5. Мекулов Д.Х. Национально-государственное и советское строительство в Адыгее: начальный этап, тенденции // Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). С.68.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф.5677. Оп.4. Д.314. Л.35.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.65. Оп.1. Д.105. Л.6.
8. Там же.
9. ГУ «Национальный архив Республики Адыгея» (далее – ГУ НАРА). Ф.1. Оп.1. Д.1057. Л.4.
10. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф.7. Оп.1. Д.1. Л.7.
11. Там же. Л.34.
12. Там же. Д.19. Л.5.
13. ГУ НАРА. Ф.1. Оп.1. Д.61. Лл. 13–14.
14. Российский Кавказ. Книга для политиков. М., 2007. С.202.

UDC 908

ADYGS IN ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL SPACE OF SOVIET RUSSIA: INTEGRATION MECHANISMS

Tatiana P. Khlynina

the doctor of historical sciences, leading researcher

Southern scientific Center RAS

Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia

The article deals with Adygs integration into Soviet administrative-territorial space, considers state national construction process and its consequences for different groups of Adygs – Kabardians, Adygeis, Circassians and Shapsygs.

Keywords: Adygs, inter-ethnic relations issue, state national construction, autonomies, Mountain ASSR, North Caucasus Region.